

20

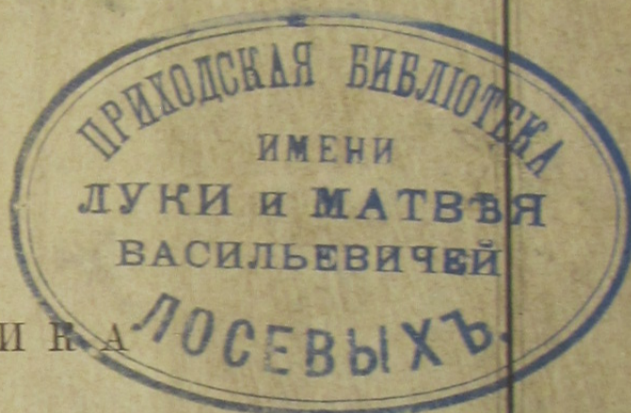
50  
347

3168

ГОДИЧНОЙ ПАМЯТИ

ПРОТОИЕРЕЯ

М. І. ХИТРОВА.



СВЯЩЕННИКА

А. І. Хитрова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1900.

20  $\frac{50}{347}$

3168.

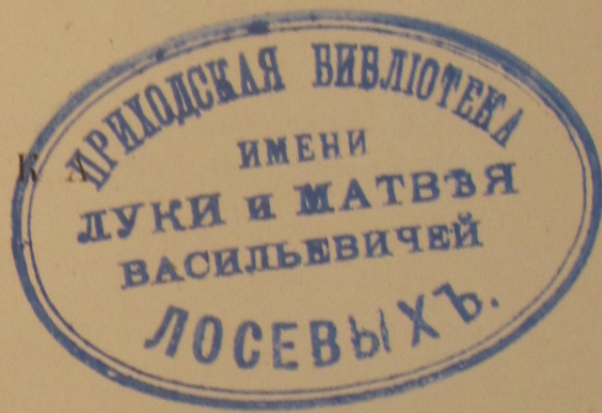
ГОДИЧНОЙ ПАМЯТИ

ПРОТОИЕРЕЯ

М. І. ХИТРОВА.

СВЯЩЕННИК

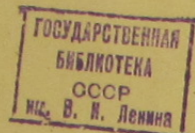
А. І. Хитрова.



МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1900.



66615-0

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.  
Москва, Мая 16 дня 1900 года.  
Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.

## ГОДИЧНОЙ ПАМЯТИ ПРОТОІЕРЕЯ М. І. ХИТРОВА.

„Азъ есмь воскресеніе и жизнь:  
вѣруй въ Мя аще и умреть, оживе-  
ешь“ (Іоан. 11, 25).

Вотъ уже годъ прошелъ со времени внезапной кончины протоіерея Михаила Іоанновича, а намъ трудно еще свыкнуться съ мыслию, что его нѣтъ среди насъ, что мы не увидимъ его уже болѣе... Дерзнемъ ли сказать: не увидимъ болѣе *никогда*? Но приведенныя слова Господа заграждаютъ уста для столь безнадежно-грустнаго отвѣта. Встань же предъ нами, дорогой образъ почившаго, и, какъ и въ былое время, помоги намъ и теперь уже безъ прежней грусти — очами твоей вѣры взглянуть на твою безвременную кончину и оживить, въ назиданіе себѣ, ту сторону твоего духа, которая такъ поучительна была въ тебѣ при жизни, особенно въ послѣдніе дни ея.

Рожденіе и смерть — вотъ два предѣла, среди которыхъ протекаетъ земная жизнь человѣка. Если мало понятно для насъ появленіе живого существа во чревѣ матери, если и наука, предоставленная самой себѣ, не можетъ дать отвѣта, откуда въ матеріальномъ зародышѣ является жизнь — духовное начало, такъ отличное отъ матеріи, то еще болѣе умъ нашъ чувствуетъ свое безсиліе передъ таинствомъ смерти, исчезновенія живого существа изъ среды живущихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ умъ человѣческой впервые пытливо задумался надъ вопросомъ о смерти, онъ останавливался, какъ и сейчасъ останавливается на двухъ главныхъ рѣшеніяхъ: или человѣкъ безслѣдно исчезаетъ въ могилѣ, — догорѣла

свѣча, пѣть болѣе горячаго матеріала, — гаснетъ и пламя, поддерживаемое имъ; состарѣлось, обветшало тѣло или произошло поврежденіе тѣлеснаго организма, — и жизнь-душа, какъ угасшій пламень, исчезнетъ безслѣдно... Таково первое рѣшеніе загробнаго вопроса. Но противъ такого рѣшенія со всею силою возстало и заговорило само сознаніе: жизнь духа такъ отлична отъ жизни тѣла, оживляющее тѣло духовное начало такъ рѣзко отличается отъ него и такъ вышается надъ нимъ, что не признать его самостоятельнаго существованія помимо тѣла, похоронить его вмѣстѣ съ послѣднимъ — значило бы лишь отдѣлаться отъ вопроса, покончивъ съ нимъ, не рѣшивъ его. Да, такое рѣшеніе, при всей кажущейся простотѣ его, не удовлетворяло и не могло удовлетворить пытливаго духа. Считаая себя отличнымъ отъ матеріи, безконечно возвышаясь надъ нею, чувствуя силу повелѣвать: то допускать, то сдерживать; вообще господствовать даже надъ естественными потребностями тѣла, — пытливый духъ человѣка пустился въ область безконечныхъ гаданій о своей собственной судьбѣ по смерти тѣла. И вотъ началась многовѣковая работа ума, полная напряженныхъ усилий, внутреннихъ терзаній, бесплодныхъ попытокъ, поистинѣ мучительная работа Тапала и Сизифа, не приведшая да и не могшая привести ни къ какому рѣшенію. Утомившись, истерзавшись надъ неподдающимися рѣшенію вопросами, умъ человѣческій, въ сознаніи безсилія, назвалъ ихъ «проклятыми» и рѣшилъ махнуть на нихъ рукою, возвратясь къ первому рѣшенію или стараясь забыть о нихъ, а проклятые вопросы снова и снова возникали, не давая покоя измученному духу, какъ нерѣшенная задача... Да это и понятно: не найдешь въ области земнаго, въ условіяхъ этого матеріальнаго существованія рѣшенія того, что выше этой земной области, не поддается ни наблюденію чувствъ, ни всевозможнымъ опытамъ. Этого рѣшенія нужно искать и ждать только изъ той области премірнаго, къ которой принадлежитъ духъ нашъ по своей природѣ. Среди земнаго и преходящаго духъ нашъ не найдетъ вполне подходящей

аналогіи, которая оправдала бы и подтвердила несомнѣнность того или другого рѣшенія. И такой отвѣтъ данъ и принесенъ намъ явившеюся изъ недоступной, премірной области духовнаго бытія премудростію Отчею. *«Бога никтоже видѣ нигдѣже, Единородный Сынъ, Сый въ лоно Отчемо, той исповѣда»*. Только Онъ, Творецъ видимаго и невидимаго міра, могъ повѣдать намъ о загробной участи и принесенное Имъ откровеніе, тутъ же подтвержденное чудомъ воскрешенія четверодневнаго мертвеца, коротко и ясно повѣдалъ намъ: *«Я воскрешеніе и жизнь: вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ»*.

Знаемъ, что и нашъ дорогой покойникъ не чуждъ былъ этихъ загробныхъ вопросовъ, была полоса въ его искрѣпшей еще умственной жизни, когда предъ грандіознымъ зрѣлищемъ вѣковыхъ усилий человѣческаго ума къ ихъ рѣшенію, смущалась душа его, съ жадностію порывалась проникнуть въ область неизвѣстнаго будущаго; было время, — и онъ мучился и волновался неразрѣшимыми вопросами, пока не убѣдился въ ихъ неразрѣшимости. Припоминается, что еще въ лѣта молодости въ надгробномъ словѣ по одному безвременно умершемъ товарищѣ-другѣ онъ пытался найти утѣшеніе для себя и другихъ въ томъ, что почившій узналъ теперь то, надъ чѣмъ мучались и мучатся миллионы умовъ, — и въ этомъ заключается свѣтлая, примиряющая сторона смерти. Но это пережитое имъ состояніе духа имѣло слѣдствіемъ лишь то, что онъ тѣмъ съ большею горячностью въ концѣ концовъ прильнулъ къ словамъ откровенія, нажда въ нихъ полное успокоеніе.

Но и въ области вѣры нужно отличать два вида ея: вѣры простой, традиціонно переходящей отъ поколѣнія къ поколѣнію, вѣры беззавѣтной, не допускающей ни критики, ни сомнѣній, гдѣ на первомъ мѣстѣ религіозное чувство, — это вѣра нашего простого народа, — и вѣры убѣжденной, очищенной, просвѣтленной борьбою, прошедшей черезъ горнило внутренняго, иногда тяжелаго душевнаго разлада; въ этомъ случаѣ она является, какъ гармоническое сочетаніе нашед-

шаго въ ней отвѣтъ на свои запросы ума съ завѣтными стремленіями и упованіями сердца. Это вѣра убѣжденнаго человѣка, всегда готоваго дать отчетъ себѣ и другимъ, какъ во что и почему онъ вѣруетъ. Въ такой-то вѣрѣ и нашель себѣ успокоеніе почившій, и какъ скоро она стала достояніемъ всего существа его, она чуднымъ свѣтомъ освѣтила для него и его собственную жизнь и жизнь другихъ; указала въ видимомъ хаосѣ жизни надъ всѣмъ бодрствующую, невидимо руководящую десницу Провидѣнія, легла въ основу всего его міросозерцанія и въ концѣ концовъ привела его къ сознательной погребности стать служителемъ у престола Божія: не изъ такихъ былъ почившій, чтобы чье-нибудь виѣшнее, стороннее, хотя бы и сильное, вліяніе заставило его сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, если бы онъ не отвѣчалъ его душевному настроенію, не былъ плодомъ его глубокаго убѣжденія въ истинности избираемаго имъ пути. А ставши на этотъ путь, онъ, по горячности своей натуры, уже не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ идущихъ по распутіямъ, — и вотъ обильною струею полилось его глубоко убѣжденное, горячее слово, какъ пастыря-проповѣдника, какъ законоучителя, какъ церковнаго писателя, износившаго со всею искренностію и силою изъ своей духовной сокровищницы все истинно-человѣческое, согрѣвающее и свѣтлое въ темной сутолокѣ жизни. Переполнявшее все существо его живое чувство полноты и цѣльности человѣка, пашедшаго покой у пристани вѣры, прорывалось невольно въ его рѣчахъ и письменныхъ трудахъ, дышало въ его разговорахъ и частныхъ бесѣдахъ, клало какой-то особый отпечатокъ на все его обращеніе и поведеніе и производило соответствующее впечатлѣніе на другихъ. Казалось, что бы ни случилось съ нимъ, дурное или хорошее, онъ скрываетъ въ себѣ что-то, что выше всего этого; казалось, что многообразно участвуя въ сложныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ, онъ свѣтлымъ взоромъ смотритъ поверхъ ихъ куда-то въ таинственную даль, которая и озаряла для него все окружающее особеннымъ свѣтомъ мира и благодущія, какой бы ха-

рактерь ни носило это окружающее. Съ покорностію вѣрующаго переноситъ онъ тяжелые припадки послѣдней болѣзни и, ошибаясь, подобно другимъ, въ опасномъ свойствѣ ея, съ тою же покорностію принимаетъ неожиданное, неосторожно-откровенное слово врача, предупреждавшаго его о роковомъ исходѣ болѣзни. «Послѣдняя грань видна и, кажется, уже близка», писалъ онъ незадолго до смерти одному изъ друзей, — «но пусть будетъ воля Божія!» Внезапно совершилась надъ нимъ эта воля Божія: ни одного слова не услышали отъ него и самые близкіе, но мы не сомнѣваемся, что съ этихъ внезапно сомкнувшихся устъ не послышалось бы ничего безнадежно-грустнаго, и въ виду смерти, они изрекли бы намъ: «до свиданія тамъ—въ лучшемъ загробномъ мірѣ!»

Съ побѣдною пѣснію воскресенія провожали мы въ могилу годъ тому назадъ прахъ твой и молитвенно уповаемъ, что нынѣ, если бы до насъ могъ дойти привѣтъ твоего *духа*, мы услышали бы: «воистину воскресе, какъ совоскреситъ съ Собою и всѣхъ вѣрующихъ въ Него!»